

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 ISSN: 2408-9621
 Vol. 7, Is. 1, pp. 53–63, 2015

DOI: 10.13187/ra.2015.7.53
www.ejournal16.com

UDC 929/94(47).084.6

The Interview with Anna Yakovlevna Chumakova

Preparing the material for publication and commentary
 Svetlana V. Martynova

Southern Federal University, Russian Federation
 105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006

Rostov Regional Museum of Local History, Russian Federation
 79, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006
 E-mail: sve50487871@yandex.ru

Abstract

The material concerns the period of 1920–1930s, describes the political, economic and social phenomena and processes of the period, such as the establishing of collective farms, the famine of the 1930s, anti-religious policy, Decossackization, etc., discloses the features of the Don Cossack's everyday life.

Keywords: Don Cossacks; collective farms; famine; Decossackization; antireligious policy; everyday life; holidays.

Экспедиционная работа с Анной Яковлевной Чумаковой проходила в станице Березовской Даниловского района Волгоградской области. Это старая казачья станица: первые упоминания о Березовском городке относятся к 1698 г. [1]. В разное время здесь работали диалектологи, этномузыкологи, этнографы из Волгограда, Москвы и других городов. Совместная этнолингвистическая экспедиция Южного федерального университета и Южного научного центра Российской академии наук проходила в Березовской, а также в других населенных пунктах Даниловского района в 2009 г.

Анна Яковлевна родилась в станице Березовской в 1914 г. и прожила в ней почти всю жизнь. В течение трех дней с этим замечательным носителем традиции работали участники старшего состава экспедиции – Н.А. Архипенко, Н.А. Власкина, М.А. Карпун. А.Я. Чумакова – очень внимательный человек, вдохновенная рассказчица. От нее удалось записать не только биографический нарратив и тексты, характеризующие свадебный, погребальный обряд, фрагменты народного календаря, но и красочные былички, которые она слышала от старших родственников, семейные предания о дедах, участвовавших в русско-турецких войнах, подробные повествования о дореволюционном быте. Аудио- и видеозаписи бесед с Анной Яковлевной вошли в учебную картотеку примеров звучащей диалектной речи и активно используются на занятиях Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ в рамках курсов, посвященных региональной проблематике.

Для настоящей публикации отобраны фрагменты разговоров, описывающие станичный быт 1920–1930 гг. и элементы обрядности и верований. Вопросы интервьюеров

выделены полужирным шрифтом, ремарки публикатора заключены в квадратные скобки. Интервью приводится с сохранением авторского стиля повествования.

Ну, девчат, что вас интересует?

Расскажите, нам, пожалуйста, про свою семью.

Ну, семья наша была... Я бы сказать никак не могла бы, я вот сейчас с Олей, какая ухаживает, и мы разговаривали, а я говорю: «Оля! За свою жизнь – я не обижаюсь на нее». Почему? Потому что раз не была разутая-раздетая, голодная не была, побираться не ходила, в работниках не работала, значит, это ж моя жизнь, я ее прожила не даром. Несмотря на то что у нас не было отца. У нас отца убили в двадцатом году, восьмого сентября. Лишь только начался двадцатый год. Мы остались – самому старшему не было десять лет, а самому младшему не было два года. Да еще один умер шестнадцатого года. А мы четверо вот, Николай Яковлевич, тетя Надя Бочарова, я и дядя Ваня, что вот не ходил у нас – мы четверо остались, и вот я теперь из четверых осталась одна и живу такую долгую жизнь. Разве можно обижаться на это? Белый свет – он самый милый. И самый добрый. А за эти годы всё было. Были колхозы, были и... всё. Гнали нас туда, как, всё равно, подневольных каких. Но всё пережили. А жизнь началась у меня с четырнадцатого года. Я четырнадцатого. Вот и прожила я ее, вот уж будет девяносто пять лет восьмого сентября.

Рис. 1. Анна Яковлевна Чумакова показывает старинный сундук – семейную реликвию (фото Н.А. Архипенко)

А вы сказали, что сгоняли в колхозы...

Ну, колхоз. Колхоз вот, я туда пошла, меня, я не знаю, в тридцатом году – это пятнадцать лет же мне было, да?

Шестнадцать.

Вот. Это ж в колхозе я была в тридцатом году. В двадцать восьмом году тут был у нас малый прудок. Его прудили. Но это еще по себе жили. И с двора человек. А у нас человек: дедушка болел, брат совсем не ходил, а я была это главная у них. А мама же – уехать пруд прудить, этих оставить нельзя и скотина во дворе – это же мы по себе жили, были быки и коровы.

Вот я и начала свою жизнь с этого прудка. И нас только две было: одна одиннадцатого года (тетиного Надиного, сестрино), а я была четырнадцатого. А это все были мужчины и ребята. Ну у нас некому было ехать. И вот я на этом прудке начала работать. С этого прудка... Тут приезжает мама, говорит, я тебя записала, будешь ходить в портняжную учиться. Такие были, ну сами еще по себе жили две и открыли мастерскую. А мастерскую открыли, чтобы набирать молодежь обучать. И меня она уж, мама, определила: «Вот тебе мой прудок остается», и я пошла в эту портняжную мастерскую. Это было двадцать восьмой год, уж конец двадцать восьмого. Двадцать девятый год – такие начали налоги налаживать, что не под силу. Они их платили-платили, а с нас-то никакого дохода не имеют-то, нас десять человек набрали учеников. Ну и всё. И в двадцать девятом году и говорят: «Ну, девки, всё. Мы вас отпускаем».

Это двадцать девятый год – ничего. Тут пошло массовое раскулачивание, расказачивание, всё. Тут одни [нрзб.], энтих увезли, энту угнали, убили, энту уже расстреляли, энту уже ничего неизвестно. Это двадцать девятый. А тридцатый – весной всех нас в этот колхоз. Работники. Вот мы... А тама навезли (у людей-то отбирали), тама сундуки попривезли: и крупы, и масло, и мясо, и сало, и яйца, и там какая-то страсть. Они, эти новые власти-то, кидают, куски. Куски кидают, наелись уж, всё! Наелись и всё бросают, всё! Это тридцатый год.

Тридцать первый тоже еще... В тридцать втором году ни себе есть нечего, скотина полегла, совсем полегла! Боронуем, а приехали двадцатипятидесятники¹. Они не имели никогда землю и не знают, что такое. И вот говорят, что мы землю обрабатываем, на ней такая молоканка², осот пошел, трава, этого зерна нигде нету, его растащили. А это молоканка да осот. А скотина лежит. Они: «Вы что? Да как же, вы же не пахали! Сверху соскребли, она вот и растет, трава-то. Нам не надо качество, нам нужно количество». И вот «количество» – мы и пришли, вот эта жизнь-то привела. К «количеству». Вот. И вот это «количество-количество», скотина полегла. Это было тридцать второй год, весна.

Всё. Приезжает брат мой старший. На лошадях работали. Ему осенью идти в армию да надо дома кое-что поделывать. А плуга пришли. Понятия не имели ни о плугах, ни о тракторах. А трактора были эти, фордзончики³: «Пых-пых-пых!» – идет. Двигается, господи, как всё равно какой-то, ну... Теперь пришла я да спрашиваю бригадира. Ну бригадир мне: «Ну, ладно, поезжай, поезжай». Я поехала. Тут была переправа, паром ходил, всё. Я всё, и лошадей переправлю, всё на девяти парах. Я знала, какая Михайловка⁴, какой был этот... поезд. Я этого ничего не знала. Ну и поехала. Поехала... «Ты будешь ехать, дядя будет родный мой и этот, Нюры Манушкиной отец, – он мой крестный был, – и дядя, ты между них, они тебе и запрягут, и отпрягут, и всё. Ты им лишь только галушек сварить». Дали какой-то там муки – суррогат, уж всё, уж ничего, пышка вот такая расплывчатая – там и отруби, и дранка⁵, и всё на свете – не с чего уж, покидали всё. Так вон, какое брали с людей добро, и всё покидали за один год, за полтора.

Ну что ж, поехали. Привезли эти плуга. Тут же он меня встретил, всё. И в колхоз. Прихожу в этот колхоз. «Запрягайте быков, ежайте бороновать». Запрягли быков, доводим, а он – хамывсь! – упал. Глаза глядят, ноги только вытянул, а мы сидим, кричим возле этих быков.

¹ Двадцатипятидесятники – рабочие крупных промышленных предприятий, направленные в начале 1930-х гг. в колхозы. Их организационно-политический опыт должен был использоваться для форсированного проведения коллективизации. Согласно решению Пленума ЦК ВКП(б), в деревню должны были отправиться 25 тыс. рабочих.

² Молоканка – молочай лозовидный. *Euphorbia vigrata*.

³ «Фордзон-Путиловец» – колесный трактор, выпускавшийся на заводе «Красный Путиловец» в Ленинграде с 1924 г. по лицензии компании «Форд», копия американского трактора Fordson-F.

⁴ Михайловка – город в Волгоградской области (в описываемое время – слобода), расположен в 68 км от станции Березовской.

⁵ Дранка – корм для скота, крупа.

Вот такие были мы работнички. Ничего. Ну теперь отработали. Отработали, беру, свою ватолу¹ расстилаю, беру, какие там шмотки мои, заворачиваю, закатываю на себя и пошла домой. Прихожу домой, а мама глянула: «Это что такое?» Она считала, меня выгнали из колхоза. Это как можно тогда жить-то? А я говорю: «Ничего. Пришла совсем». – «Да куда ж ты? Теперь тебя вот посадят!» А тогда ж сажали, сажали, расстреливали. «Да тебя ж посадят, а тогда что мы будем делать без тебя?» Ну всё. Я говорю: «Я туда больше не пойду». Ну не пойду и не пойду. Вышла на площадь. А тогда же народу-то было... Туда-сюда метались. Вышла, стоят-то вот кругами все. «Ну, ты что?» – «Да я, – говорю, – ушла с колхоза, теперь хоть куда-нибудь воткнуться техничкой». Куда больше-то? Неграмотная, ничего. Ну и что? А стоят рядом и слышали наш разговор. А тогда ведь не райком был, а РИК² был. Только начинался. Может, ты знала, нет? Но он был тогда РИК, не райком. Потом стал райком. А был приезжий Понуркевич, это тоже нерусский он был, секретарем. И я в этот РИК... Это у меня первые шаги были в правительство [смеется]. И в этом РИКе две недели я пробыла. А тут-то я стала ходить на почту. Всё время почта же сдавалась заказная, техничка носит ее. Прихожу. Там заинтересовались на почте – новенькая, откуда взялась? В колхозе была и вдруг тут появилась. Ну и стали спрашивать. Савищева Мария была. Она там была кассиром, что-то была. Ее начали спрашивать. Она про меня знала, чья я есть и что Манушкина я. Ну, стали ее интересоваться, спрашивать, она им рассказала. А Иван Александрович Мордвинцев, он закончил школу, и его сюда направили работать. И он был за начальника телеграфа. А им надо было... Пришла должность рассыльной на телеграф. Телеграммы там вот эти... Ну какая под роспись, в общем, почта. А он это прислухался: «Давайте, она придет, ты пришли ко мне ее». А у них единицу прислали. Вот я и пошла во власть-то [смеется].

И тут я это пристроилась. А тут в тридцать третьем году жених объявился и забрал меня замуж. И всё. А потом, когда он заболел в тридцать седьмом, я-то приехала, меня сразу же забрали. А когда я поступала первый раз – во, какая была дисциплина! – присягу я принимала, потому что под роспись какая почта? Она вся секретная. Не оглашалась. Значит, я присягу принимала. А уж второй раз меня взяли без присяги. Знают, что я такая, проверенная. И я работала до сорок первого года на почте вот в этой, в связи. Вот так, девчат, с чего начинается Родина.

Бабушка, а тридцать третий год – это же был голод? Что Вы про это помните?

Голод! Такой был голод! Я-то, видите что, я же вышла замуж, а он был военный. И он меня увез в Белоруссию. Я голода не видала. Ни тридцать первый, ни двадцать первый год – голод был невозможный тоже – я его тоже не видала. Почему, потому что сами жили, хоть и отца убили у нас, но состоятельно. Всё у нас было. Ну как середняки были. Вот. А когда его вот убили, а в двадцать первом году – голод, нас всех поставили, раз в сутки мы ходили в столовую, а столовая была, где была аптека. Ее содержала Америка, эту столовую. Вот такой был хлеб – это двадцать первый год, голод, и я этот хлеб запомнила. Высокий парень – вот честное слово, такого скелета живого я за свои девяносто пять лет не видала еще, как я запомнила в двадцать первом году. Он вот, что скелет был. Ему только в эту столовую закрепили, потому что у него не было весу. Это кто не имел весу. Но нас – как отец погиб, нас – сирот. Мы не то что голодные, там, или истощенные. А потом мы приходим домой, а там кормили, ой, боже мой, раз в сутки. И вот мы все четверо ходили. А дядю Ваню мы возили, потому что, чтобы он общался с людьми. Что же, он же не ходил, а мы его возили на колясочке, чтобы он общение имел. А так мы его могли тоже принести домой, да и всё. Ну такой был у нас распорядок, чтобы Ваня в общении был. И вот так.

И двадцать первый год³ – я его опять не видала, но голод был, что люди мерли. Река была вся усыпана народом. Ракушки ловили и там их ловили, на берегу, и ели. Вот эти вот, что улитки. Знаете их?

Да, такие плоские.

Да-да-да. Вот ее отколупывают, а вот это... Ну это их не отколупывают, их берут – в ведро, и лишь только вот закипела чуть вода, и они уже все наружу. Мякоть брали и ели. Это тридцать третий год. Но я его уж не видала. Это тут наши остались, но и они остались

¹ Ватола – грубое самотканое покрывало, одеяло.

² РИК – районный исполнительный комитет.

³ Судя по логике повествования, здесь речь идет о 1933 г.

опять... Корова отелилась весной, а корова телилась – с молоком можно всё есть, и с травой там что-то намешанное, и какую-то там делают мамалыгу, желудки – это осенью, макуху. Вот это страшно голодно было – тридцать третий год, а потом они были, голода, потому что они без конца, голода, были. Ничего не хватало. Хлеба у нас совсем никакие уж были, все земли захлამили, они заросли травами, да молоканкой, да осотом, да ой!.. И вот такая... А то всё я с тридцать третьего года... Он был военный, там пайки давали, так что я уж ничего не знала. В Белоруссии, в Рогачёве.

А когда Вы приехали из Белоруссии?

Да он в тридцать седьмом же заболел, и я сразу, как приехала, сразу на почту пошла на работу. А он не работал, у него не было документов. Он болел. Пока я не съездила ему в тридцать девятом году, когда уже границы готовили войска – вот, когда их готовили, с тридцать девятого года! А Сталина нашего дюже обглаживали. А он – да что он, не понимал? По-моему, всё он понимал. Что, когда Сталинград вот начали [бомбить], вот тут он заворочался. А то Сталин, Сталин! Россия наша проданная.

Бабушка, а правду говорят, что перед войной были какие-то предсказания, что будет война большая? Вот старые люди, говорят, предсказывали, да?

Были, были, были! Да, предсказания были, они все сбывались.

А какие? Что люди говорили?

Ну что говорили. Какая вот жизнь будет, а ее – всё предсказывали, что как народ будет переживать, какие будут голодовки. Да, они, это вот я их запомнила: тридцать третий год и двадцать первый. Это так, как я и запомнила. А сколько их было – да всю жизнь были голодовки! Их, светлых дней-то стало после этой-то войны, стали трошки люди и одеваться, и обуваться, а то их не было...

А вот говорят, что перед войной какие-то столбы видели огненные...

Да. Ну, говорили, тогда бились столбы. Даже говорили люди, что самовидцы¹ были. Они сходились и, говорят, друг о друга ударятся – искры летят, и расходятся. Столбы, говорят, бились. Но я этого-то ничего не видала, а слышать – я слыхала [...].

Скажите, пожалуйста, а в Гражданскую войну тут, в Березовской, кого было больше – белых или красных?

Ну видишь, как... У нас даже вот мой отец, он же служил у Миронова, а он же в белых был, Миронов². А этот Миронов и взял, и сдался со всем со своим полком в красные. И почему он получился в красных... У нас не было ни офицеров, и в той армии не было. Они были все связисты. И мне пришлось в связи работать. И батя был связист, и Николай Яковлевич – связист и служил в связи в действительной, и войну прошёл связистом. Мы в связи, и я в связи, на телеграфе работала. Ну, а так у нас не было офицеров, я этого ничего не знаю. Вот, где были офицеры, там же их забирали и уничтожали их сразу. Их вот у нас в станице, почему у нас, есть еще старые люди везде, а у нас-то нету, один Григорьевич. Но он одиннадцатого года. Он одиннадцатого – это, считай, он был молодым в то время. А настоящих казаков-то у нас нету. Их всех сослали, порасстреляли. Они все загрузили вот эти, гулаги эти все. Вот так. И туда нас посылали всегда. «Ваша земля на Иртыше». Вот какие русские, так выговаривать не давали. «Ваша земля на Иртыше». Вот я на этой земле пока еще живу [...].

Да дела были. Ты знала, Егорка Карнаухов был. Ваня, Егорка... Их дед – его тоже расстреляли. Он же тоже был белый офицер. Ой, да тут у нас всю станицу, тут не было двора такого, чтоб он был... А какие могли – эмигрировали, уходили за границу. Какие смогли, сумели. Ну раньше, может быть, знали. А какие тут оставались, их уничтожали. Их гнали, я не знаю, вот там какие города строят, там одни кости человеческие, вот это, где сейчас строят, там одни человеческие кости! У нас у дедушки брата с шестью сыновьями... Не... Один на Кавказе

¹ Самовидцы – очевидцы.

² Филипп Кузьмич Миронов (1872–1921). Родился в станице Усть-Медведицкой, ныне г. Серафимович Волгоградской области. После революции 1917 г. примкнул к большевикам. Выступал против политики расказачивания. В 1920 г. вступил в РКП(б). Командовал 2-й Конной армией. В феврале 1921 г. был арестован. Устойчива версия, согласно которой Ф.К. Миронов был убит во время прогулки в Бутырской тюрьме по приказу Л.Д. Троцкого. Реабилитирован в 1960 г. «за отсутствием состава преступления».

служил действительную, старший, и пропал бесследно. А у бабушки у нашей служил этот, был, гимназию закончил, и оставили его, как он отлично закончил гимназию, и оставили его в Новочеркасске. Уничтожили! Не дали ему жить даже, всё... Ну казак. Из казаков.

Ой-ой-ой, да как еще трудились! Эти казаки возле чириков¹ ходили. Гоняет быков, а чирики жалко ему, он разувшись. Труженики, труженики простые. Но любили, если уж загуляют, то действительно стоном стоит станица. Они там эти и песни, и боже мой! А какие компании были – по улице идут, не помещаются, родства-то помногу. У нас, вот у моего отца двоюродных было восемнадцать. Братьев одних восемнадцать двоюродных! И девять сестер двоюродных. Вот как. И вот это – девять сестер и восемнадцать – это сколько?

Двадцать семь.

Вот. Вот сколько было. Это не его сестры, а двух еще причитай его сестер. А сейчас живут рядом – не знают. А тогда – какая свадьба, какое горе у кого, а у нас его, горя, было в нашей семье – это какая-то страсть, не было в станице столько горя, сколько в этом дворе было. И все шли, и все окрикивали, и все оплакивали, и все горевали. Вот так вот, вот такие были семьи, вот такое было родство, девчат. И все знали. А знали – это до пятого колена обязательно, а то до седьмого. Это было родство. А до третьего колена не венчал священник. Только в четвертом колене можно выходить за брата за четвертого. Не венчали [...].

Бабушка Нюра, Вы сказали, рассказывание было в двадцать девятом году.

Да вот, казаков уничтожали.

Так прямо и говорили, что это рассказывание?

Да-да, рассказывание, рассказывание, да. Раскулачивание, рассказывание. Казаков уничтожают. Раскулачивали кого – казаков да и вот этих баринов, какие имели свои вот лавки. Они все поухали, ничего с собой не взяли. Мухина три дома, они их оставили. Они взяли с собой то, что могли унести, ну, может, золотишко прихватили, и всё. Они ничего никто не взял.

[...]

А тогда [в 1946 г.] очередь были, ой-ой-ой, по ночам не спали, а по триста, по двести пятьдесят грамм давали хлеба на человека, и вот пока ты дождешься сайку. Ну что же, у нас свое было. И вот один раз идет Сергеич, получил вот порцию. Получил порцию и идет, а баба Маша, этих, чья уж она была, Господи, Костина, Марья, сидит пухлая, глаз не видать у нее, он к ней подходит: «Ну здорово, Филипповна». Она: «Слава Богу, а ты кто будешь?» – «Да ты мене не узнаешь? Иван Сергеич Чумаков». – «А, Иван Сергеич, не дай помереть мне, я всё уж». Она уж всё, ей жить уж. Он говорит: «Не дам, Филипповна, не дам. Вот я сейчас несу эту порцию, получил, на тебе, и ешь, пока наешься. А я посижу с тобой. Я тебе сейчас водички принесу, чтобы ты его не сухой ела, а попивала». Пошел, ей там в кружку почерпнул воды, пришел с ней, сел. Приходит, я говорю: «Да где ты был? Ну до сих пор тебе не было». Я говорю: «Ну что, ничего нету», – пайка-то нету. А он говорит: «Да я Филипповну кормил». Я говорю: «Как, Филипповну?» – «Ну она доходит, всё уж, у ней глаза запухли, она почти ничего не видит, сидит только вся, трясется. Я ей отдал». А мама говорит: «Господи, да как догадался, да хорошо ты сделал. Может, она еще отойдет да еще поживет». Она после этого сколько в больнице поваром работала. А ему там и операцию делали, прободная язва желудка была, так она всегда ему принесет всё свеженькое в палату, Филипповна. Вот как. Добро сделаешь – добром тебе и плотют.

[...]

Бабушка, а Вы помните, как церковь ломали?

Ну как же, ну как же я не помню ее! Вот церковь. Да какие же головы пустые! Да разве можно такую сокровище ломать, а хлеб гноили в степе. Да вы что ж ломали! Вы доказывали вроде казакам: «Взорвем вашу церковь». Вроде бы, а вам она не нужна. Да вы бы ее берегли для зерна бы. Не надо ж, никому не открывали бы ее, но вы бы ее для зерна. А зерно гноили. Гноили! А люди голодовали. Вот голод почему был. Вот при этой власти [...]. Вот эта церковь наша – ее взорвали дураки. И ходили с росписями и обманывали людей.

Собирали росписи, да?

Под роспись! Ее под роспись сломали. Почему? Потому что они раздали комсомольцам эти тетрадки. Они приходят и говорят: «Церковь восстанавливают. Распишитесь». Наш дедушка: «Ой! Слава тебе, господи, хоть есть храм у нас». Берет эту ручку, расписался.

¹ Чирики – кожаные туфли.

Он говорит: «Ты за что расписался? Ее взрывать будут». – «А! Давай я порву!» – «Нет, теперь не порвешь». Вот как делали. Дедушку нашего, и то приходили и так вот обманули. Он расписывался. «Ее будут открывать». А это взрывать ее ходили обманным путем.

И вот, когда уж ее всё, взрывать, так собрали пионеров, комсомольцев и было, сам вожак-то, с третьего квартала, Балахонов. И он водил вот этих всех. А у нас, у дедушки, у дяди Романа гулянье как раз, у Лидина у дедушки, Турчиной. А бабка такая была, ну вроде того, как они состоятельные, да в счете живут, да созна... Ну гордилась этим, с гордостью. И вот эти-то ходят, она выбегла, а тут Костю, в школу ходит, его – раз наложили на его – принести, облигации взять. Он пришел: «Да облигации говорят, чтоб я подписался, дай, баба денег». Ну дали ему. Он подписался, еще на чего-то: «Дай денег». Она: «Да это что такое?» И вдруг они ходят, шумят над каждым двором: «Сдавайте хлеб, сдавайте хлеб». И остановились над этим двором. Она выбегает, была пьяная, как схватила его вот так вот за грудь, трепанет – ни одной пуговицы не осталось у пинжака, всё поотлетело. Ну и чего ж там.

Посадили?

Нет, ее не посадили. Так вот их же сразу сослали. Ну и вот. Через них вся семья-то. Она-то осталась, пришла, и тут и замуж выходила. А она, семья-то, там же вся поумирала: и сын, и муж, дядя мой, и внучка. А она-то пришла и вышла замуж на Горин¹ и жила. Видишь, какое – гордость. Вот погордилась, а семья и пошла. Может, еще бы так, дюже-то к ним сурово не отнеслись бы, а тут, видишь, Костя пришел, опять подписываться на облигацию. И вот так вот и раскулачивали. А такие же ходили и шумели, над каждым двором: «Сдавайте хлеб, сдавайте хлеб, сдавайте хлеб». А дети, вот небольшие, вот эти, пионеры, с галстучками красными, в трусиках таких в коротеньких, рубашечка беленькая, они одетые, все эти, по форме. А это комсомольцы. Тут уж у них значки комсомольские, и вот ходят по всей станице. Этот по нашему кварталу пошел, энтот пошел по другому, энтот – по третьему пошел. И так ходили.

Бабушка, а какой престол был у церкви, престольный праздник?

Престольный праздник наш был Рождество Пресвятой Богородицы. И церковь была Рождество Пресвятой Богородицы, и престол², она рождественская, наша эта церковь.

Рис. 2. Храм в станице Березовской на картине неизвестного художника (в святом углу в доме А.Я. Чумаковой, фото Н.А. Архипенко)

¹ Горин – хутор в Даниловском районе Волгоградской области, расположен в 12 км от станицы Березовской.

² Иван Сулин упоминает в станице Березовской две церкви, обе освященные во имя Рождества Христова. Одна была освящена в 1802 г. (из дубового леса на каменном фундаменте), в 1859 г. перенесена на кладбище, а вторая – каменная, однопрестольная, пятиглавая, освящена в 1885 г. [2]. В настоящее время в станице действует православный старообрядческий приход храма Рождества Пресвятой Богородицы.

А какой батюшка был последний, помните?

У нас два было.

Два было, да?

Всё время два священника. Такая церковь была, такой приход был большой, так что два священника. У нас был вот, где сейчас Колодкина живет, он – отец Александр Лавров, казак был, а вот, где жила Васина, этот дом был, это тут Пудовкин был, священник. Вот, два священника. А Головачев был титор¹, нет, не титор, он был вторая рука у попов. Там были, да кто ж он был то? Псаломщик, он псаломщиком был. [...]

Рис. 3. Храм в станице Березовской на фотографии 1930-х гг. (фото из фондов Краеведческого музея станицы Березовской)

А псаломщик – какие у него обязанности?

Псаломщик²? Он управляет всем. Он помогает священникам, он служит обедни, ежели не управляется священник. Псаломщик большую роль играл. А титор – это он вот этим всем: поминаниями, всеми поминками, это титор распоряжается. Вот ты пришла, даешь поминать, подаешь поминание, тебе на нее ложат свечку. Ты свечку идешь и ставишь, какому хотишь святому. К какому ты больше это... Ну, там свечи, бывало, зайдешь в церковь, там всё было в свечах, ни одной нигде не было промежуточки, чтобы не горели свечи. Везде свечи. Люстра была огромная среди церкви. Ее зажигали только вот эти, восковые. Такие маленькие свечи не зажигали никогда. Потому что она зажигалась [в] большие праздники, ставилась вот такая лестница, к ней доступа-то больше не было, и вот с одной стороны идет и с другой. И они лишь ее крутят, и ставят свечи, и зажигают, ставят свечи и зажигают. Так вот, загорится эта люстра с этими свечми. Так такой красоты нельзя!.. А тут эти голоса всё поют. Говорят, что наша церковь – таких было в нашей вот области две, вот только где еще одна, я не знаю. А строил один хозяин. Пожертвовали казаки, а потом хозяин, возглавлял самый, жертва – это одно, а он – он давал средства большие, а это казаки помогали, на средства казаков. Эта церковь дорогая была. [...]

Вы сказали, что по большим праздникам было много народа. А какие это большие праздники?

Большие? Пасха, Рождество, Крещение, потом эти... Успение. Это Успение Господне, когда святятся яблоки, груши, всё. Тогда ж не ели ничего, пока не осветят в церкви. А сейчас

¹ Ктитор – церковный староста.

² Псаломщик – низший церковный служитель в православной церкви; дьячок, пономарь.

лишь только такой завязался, как его уж – хрым-хрым, едят. Вот такие праздники большие были. Ну и когда самое главное было, когда нашей церкви наш престол. Вот он богатый тоже был. Съезжалось много народа на престол. Это престольный день. Вот это она и называлась – Рождество Пресвятой Богородицы церковь и Рождество Пресвятой Богородицы – престол. И престол такой, и церковь так же. Она одним именем славилась.

Бабушка, а когда в колокола звонили?

Колокола? Да колокола, их сбрасывать-то начали. Там же, вот это вот, она снятая, одной же главы не было уже, с нее уж содрали. Там, по-моему, я-то уж не вижу, а когда видала-то...

Нет, там все.

Все? Ну, это на другой, это, наверно, на фотографии. Это сфотографированная церковь. Сфотографировал ее один тут, в Атамановке¹ был [...].

А когда колокола звонили? В праздники?

Ну, колокола, их сразу же запретили. Они не звонили уж, всё. Ее закрыли, в ней одно время был хлеб, принимали, а хлеб принимали от людей, от граждан, налог налаживали, и люди везли хлеб в церковь. А у нас стоял приемщик. А он с этого, с чинов был. Они у нас жили. Ну и вот. И теперича, по-моему, колоколя это, колокола, потом уж их, когда уж колокола сняли, тогда начали купола снимать, а взрывали – уж куполов не было. Ее в тридцать седьмом взрывали. Но я думаю, ее как раньше взорвали. Вот что-то я думаю, это неправда, кто ее так перепутал? Мне кажется, раньше ее взорвали, церковь. Все плясали по иконам и по ризам по этим всем. Ой-ой-ой, что делали это, делегатки, все эти партийные, все эти... Пошли во власть, им же дали в руки это, власть-то. Боже мой! А эти только, наш народ, схватятся за голову: «Боже мой, боже мой! Да вам же за это отвечать, вам же за это отвечать». Это же грех непростительный. Как это можно – надругиваться над святыней? Это же не нами, это же не нами всё. А теперь вот видите, как? Берутся, восстанавливают всё. А у нас даже вроде хотели часовенку поставить в станице, и под часовенку не находят место. Что ж такое, такая площадь, и не находится часовенке место? И теперь, говорят, ничего не будет.

Бабушка, а пришлось отвечать вот этим людям, которые на иконах танцевали? Бог наказал как-то?

Да они же взяли псалтири и пошли читать, потому что им есть нечего, по упокойникам. Вот это – не наказал? Вот, как было. Они пошли читать, куда ж им деваться, там хоть кусок положат, поминали ж умерших-то. Ну, вот так, девчат. Они говорят, а как же вот иконы, я говорю, плясали по ним. Сложили их в кучу и плясали по иконам. И носили даже... Ты не носила, Альбина [собеседнице, сопровождающей интервьюеров], тебе не шили ничего с ризы? А то с ризов шили. А то так: пошили, а кресты-то сорвали, а под крестами-то другая ж. Тут она была голубая, риза, вот, а тут крест сорвали [...].

Бабушка Нюра, скажите, пожалуйста, на Новый год раньше ходили по дворам, пели?

Ходили, ходили, да как же! И на Новый год... Новый год ходили славили, а под Новый год гадали ходили. Ходила и я. Это гадали. А как гадали? Вот, у нас забор был, дощеччатые ворота. Мы заходим к нам, но мы живем-то на отшибе, а нам нужно центральную улицу, где много движения. Вот заходим, ворота есть дощеччатые, заходим во двор, снимаем валенок и кидаем за ворота. Через ворота кинули, а ребята уж тут нас ждали. Похватили наши валенки, мы остались на снегу с одним валенком. И вот один валенок снимаем и становимся в одних чулках на этом валенке, а валенок-то кто ж пойдет принести, они их уж унесли. Ребята. Вот такое было в нашей жизни гадание.

Теперича тут отгадали. Теперь пойдемте курей ловить. Кто кого поймает. И какую курицу. Ежели черная курица, значит, я за черного выхожу, рыжую – значит, за рыжего. Ну петуха – значит, за другоженца, что раз женатый был. Ну, пойдем. Валим петухов этих. И я ловлю петуха. Курей было. А как? У одной – заходишь в чулан, а подловки-то² нет.

¹ Атамановка – хутор в Даниловском районе Волгоградской области, расположен в 13 км от станицы Березовской.

² Подловка – чердак.

Сразу лестница на подловку. И мы по этой лестнице на этот боровок-то¹. Куры сидят, а мы там их – хоп-хоп, они на теплом сидят – похватали. Приношу: все курочек поймали, а я петуха принесла. Значит, за другоженца я выхожу. Но пока его не было. Я не знаю, может он был женатый. Я не знаю. Он привез, ходил какой-то всё время. Мне-то, я еще ничего не соображала.

Ну вот. Теперь жених. Ходим, спрашиваем, кто жених. «Заходите в дом». Вот нас в дом пригласят. Приходим, расстилают шубу в переднем углу, ставят садиться на эту шубу. «Теперича говорите, кто». Да, я говорю: «Какого вы мне жениха?». Да вот, такого, такого, такого. А это другая спрашивает, она [хозяйка] ей предсказывает женихов. Ну, что ж, погадали. Всё, успокоились вроде, пойдёмте теперича. А валенки, нам же надо валенки, мы ж без валенков не можем, тогда же были зимы холодные, такие были, сейчас таких зим нету. Тогда снега были – не было кольев видно в плетне.

И вот так гадать ходили, курей ловили. Теперь мы это всё проходим, а потом уж идем мы славить Христа, с Новым годом. Вот приходим: «Можно пославить?» – «Славьте». Это – с Рождеством ходили, а это – с Новым годом. Это:

По полю, полю
 Сам Бог ходил,
 Божия Мать за ним ходила,
 Ризу носила,
 Бога просила:
 «Ой, Боже, Боже,
 Создай нам, Боже,
 Жито, пшеницу, – это хлеба просим мы. –
 Жито, пшеницу на всю пашницу.
 Ходит Илья,
 Носит пугу² ситиную.
 Налево махнет – там жито растёт,
 Направо махнет – там пшеница растёт.

А у нас зерно, мы должны сыпать этому дому, чтоб у них хлеб зародился. И вот так проходим мы, прославим этого Христа. Это на Новый год. Это Рождество впереди, а это – Новый год.

Теперича, что доходит? Доходит Крещение. Ходят на водосвятъе, делали, ярдань³ была, богато делали ярдань, разукрашивали ее. Ой! Там такую ярдань сделают! Выше моста сюда, к нам. Мы с этими салазёнками скатываемся под гору и скорей по этой... А дорога была торная по речке, ездили на Бобры⁴ и даже выезжали у кордона на Даниловку⁵, ездили по речке всё. И теперича идем, там такая ярдань! Стоят два. Это уж они ночью ночуют. Они меняются там: сколько часов простоят – другие. Это казаки всё. Ребята молодые, с удовольствием все идут. Это всё было по себе. Как этого всего не стало, и этих ребят не стало. Вот в каком ты доме живешь [собеседнице, сопровождающей интервьюеров], это был Костин дом, и когда их раскулачили и повезли, а был туман-туман! А уж переправа была паромом. Весной. И такой был туман! А стояли ж там подводы. А тогда были какие подводы – еще только у кулаков всё позабрали: что лошади, что брички, всё, – и посажали кулаков. А [нрзб.] дедушка был. Вот его перевозят, он раз – из лодки – и в воду! И вылазит, и уходит. Его догоняют и опять в лодку. Дедушку! И опять в лодку. И мокрого его повезли, этого дедушку. И когда поехали, загрели хода⁶, а тут конные. Это вот везут их, а тут на лошадях охрана идет, чтобы кулаки не убежали. Они куда побегут, у них ни хлеба куска нету, ни одежи

¹ Боровок – часть дымохода, расположенная на чердаке.

² Пуга – кнут, плеть, хлыст.

³ Ярдань – иордань, прорубь в водоеме, сделанная к празднику Крещения Господня для совершения обряда освящения воды.

⁴ Бобры – хутор в Даниловском районе Волгоградской области, расположен в 11 км от станции Березовской.

⁵ Даниловка – рабочий поселок, районный центр Волгоградской области.

⁶ Хода – бричка.

никакой нет, их взяли, как они были. Вот, как издевались над людьми! Всё, вот как были, так и взяли их. А он заиграл песню. Ой, как вот...

Уж ты доля, моя доля,
Доля бедняка!
Тяжела ты и отрадна,
Тяжела, горька.
Не твою ли, бедняк, хату
Ветер покачнул?
Не твои ли, бедняк, дети
Ходят босиком?
Не твоя ли молодая жена
Просит под окном?

Вот, какую он песню заиграл. Так тут весь яр, навзрыд все кричали, когда их повезли. Кулаки! Они труженики были.

Примечания

1. Королев В.Н. Донские казачьи городки. Новочеркасск: Дончак, 2007. С. 24.
2. Сулин И. Краткое описание станиц Области Войска Донского. Станицы по Медведице // Донские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1894. № 12. С. 460–467.

References

1. Korolev V.N. Donskie kazach'i gorodki. Novocherkassk: Donchak, 2007. S. 24.
2. Sulin I. Kratkoe opisanie stanic Oblasti Vojska Donskogo. Stanicy po Medvedice // Donskie eparhial'nye vedomosti. Otdel neoficial'nyj. 1894. № 12. S. 460–467.

УДК 929/94(47).084.6

Интервью с Анной Яковлевной Чумаковой

Подготовка к публикации и комментарии
Светлана Викторовна Мартынова

Южный федеральный университет, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, улица Большая Садовая, 105/42

Ростовский областной музей краеведения, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, улица Большая Садовая, 79
E-mail: sve50487871@yandex.ru

Аннотация. Материал охватывает период 1920–1930-х гг., отражает политические, экономические и социальные явления и процессы данного периода, такие как появление колхозов, голод 1930-х гг., антирелигиозная политика, рассказывание и т.д., раскрывает особенности повседневной жизни донских казаков.

Ключевые слова: донское казачество; колхозы; голод; рассказывание; антирелигиозная политика; повседневная жизнь; праздники.